

ВОЛЧОК Ю.П.

Городской амфитеатр в Москве в эпоху Н.М. Карамзина

(О возможности сложения историологической традиции
в истории отечественной архитектуры Новейшего времени)

Рассматривается один из содержательных узлов в сложении историологической традиции в отечественной истории архитектуры Новейшего времени. Внимание сосредоточено на методологическом синтезе в деятельности Комиссии по проблемам культуры Возрождения при Научном совете истории мировой культуры Академии наук в 1970-е годы. Проблемы диалога историологии и историографии в архитектонике исторического знания оказались в сфере исследовательских интересов комиссии. В этом ракурсе показано, как формировалась методология истории Н.М. Карамзина в контексте городской культуры своего времени, объединяя в себе художественное и исследовательское (интеллектуальное) начало. Уникальность переходного момента от хронологического летописания к причинно-следственному построению целостного знания об историческом процессе породило качественно иное толкование понятия «новое» именно в его творчестве. С именем Н.М. Карамзина можно связать и формирование пристального внимания к городу как месту в пространстве. В первую очередь это относится к Москве. Именно с ней он переживал ощущение современности. В совокупности, авторское истолкование понятий «новое», «место», «протяженность времени» позволило ему выработать объемно-пространственную методiku построения исторического знания. В этом тексте важно было связать в единое целое представления о современности и истории Новейшего времени и убедиться в том, что эти представления неотрывны от архитектуры (амфитеатра) как теоретической проблемы в современной методологии науки и зашифрованной как послание, заложенное в научно-художественной методологии истории Н.М. Карамзина.

Волчок Юрий Павлович

Кандидат архитектуры, руководитель отдела истории архитектуры и градостроительства Новейшего времени НИИТИАГ, профессор кафедры советской и современной зарубежной архитектуры МАРХИ, Москва
ORCID ID: 0000-0002-9530-7966
yvolchok@gmail.com

Ключевые слова: архитектура, Возрождение, историологическая традиция, архитектурный синтез, типология культуры, история Новейшего времени, внутренний диалог, городской амфитеатр, городское пространство, градостроительство.

Volchok Yuri P.

PhD in Architecture, Department Chief, Scientific and Research Institute for Architecture and Town Planning Theory and History (NIITIAG), professor, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow
ORCID ID: 0000-0002-9530-7966
yvolchok@gmail.com

Key words: architecture, Renaissance, historiological tradition, architectonic synthesis, typology of culture, history of the contemporary times, inner dialogue, an urban amphitheater, urban space, urban development.

VOLCHOK YURI P.

**Moscow Urban Amphitheater
in the Age of N.M. Karamzin**

(About the possibility of the historiological tradition summation
in the contemporary national history of architecture)

This article observes one of the main informative units in the summation of the historiological tradition in the contemporary national history of architecture. The main attention is focused on the methodological synthesis in the activity of the Commission on the problems of Renaissance culture at the Scientific Council of the world culture history of the Academy of Sciences in the 1970s. There were problems in the dialog between the historiology and the historiography in the architectonics of historical knowledge. These issues appeared to be in the Commission's field of research. In this case it is shown how Karamzin's history methodology was formed in the context of urban culture of that time. Such methodology combines both the artistic and the research (intellectual) beginning. The transitional moment from the chronicle writing to the cause-effect construction of the integrated knowledge about the historical process was unique. That led to the qualitatively different interpretation of the concept – "new" exactly in his creative work. Formation of close attention to the city as a place in space can be connected with the name of N.M. Karamzin. First of all, this refers to Moscow. Exactly with this city he experienced a sense of modernity...

УДК 7.01
ББК 85.113

Историческое знание в наше время обретает свою, достаточно развернутую типологию. Методологические проблемы формирования новой, объемно-пространственной по смыслу конфигурации и устройства целостного понимания истории Новейшего времени выдвигают на авансцену устойчивый интерес к проблематике истории архитектуры своего времени.

Реконструкция постепенного сложения архитектуроцентрического начала в кристаллизации исторического знания о современности, особенно в его отечественной интерпретации, представляется вполне своевременной задачей для гуманитарно ориентированной науки. Она опирается в наше время не только на наращивание историографического потенциала исторического знания, но и на построение диалога между ним и историологическими процессами. Такой подход открывает новые возможности для более внимательного построения целостного знания об истории современной архитектуры, поскольку строится на архитектурных подходах к его устройству.

В этом фрагменте работы рассматривается один из содержательных узлов сложения историологической традиции в осмыслении истории архитектуры Новейшего времени. Внимание сосредоточено на выявлении взаимосвязи архитектуры, города, театра, живописи, естественнонаучного знания и художественной литературы в сложении методологии исторического знания так, как оно сформировалось в научно-художественном творчестве Н.М. Карамзина (1766–1826). Его подход к пониманию построения исторического знания способен, полноценно развиваясь и эволюционируя, реализоваться и при конструировании интересующей нас методологии истории архитектуры Новейшего времени. Многогранное творчество Н.М. Карамзина стало предметом заинтересованного внимания и Ю.М. Лотмана еще с 1950-х годов.

В начале 1960-х годов он принимает участие в подготовке к изданию полного собрания стихотворений Н.М. Карамзина и пишет к нему развернутую вступительную статью [7]. Позднее он еще не раз возвращался к научно-творческому наследию историка.

Обращение к поэтическому творчеству ученого вполне закономерно в данном случае для осмысления методологии формирования историологически ориентированного мышления. (Равно тому, как В. Виндельбанд, работая над биографией И. Канта, фиксирует внимание на том, что первая кафедра, которую предложили возглавить философу в Кенигсбергском университете в 1762 году, была кафедрой теории поэзии) [1].

Период 1960–70-х годов стал самостоятельно значимым не только в творчестве Ю.М. Лотмана, сосредоточенном в это время (в большей мере) на синтаксической проблематике [8], но и для всего нового этапа осмысления формирования возрожденчески понимаемого синтеза системы целостного знания о развитии архитектурно-устроенного диалога культуры и цивилизации. Ограничусь только упоминанием книги П.П. Гайденко «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Сёрена Керкегора» (первая публикация в 1970 году) [2] и одной из ранних работ А.А. Зиновьева «Основы логической теории научных знаний» (1967) [4]. Немецкий философ Хорст Вессел, один из его учеников, фиксировал внимание на том, что логические построения Зиновьева были основаны на синтаксисе, а не на семантике. В развитие нашего разговора о формировании архитектурного диалога нельзя не обратить на это внимание.

Вполне последовательно именно в эти годы акцентируется интерес и к историко-логическим исследованиям, нацеленным на выявление процесса сложения закономерностей в развитии новых логических идей и построений, формирующих новации в разные периоды эпохи Возрождения [11].

В 1975 году Комиссия по проблемам культуры Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры Академии наук СССР провела конференцию по периодизации культуры западноевропейского Возрождения [14]. В.Н. Лазарев (1897–1976), формируя комиссию в 1972 году, пригласил для совместной работы в ней индивидуально мыслящих ученых в самых разных гуманитарных (и не только) научных дисциплинах.

В очередном выпуске ежегодника «Системные исследования», датированном 1975 годом (вышел из печати в 1976-м) [13], многие статьи концептуально перекликаются с докладами на конференции, формируя единое пространство лично ориентированной методологии гуманитарного знания. Сборник по ее материалам удалось опубликовать только в 1978 году.

Уместно вспомнить здесь, что в 1975 году математик Л.В. Канторович получил Нобелевскую премию по экономике. Математик И.М. Гельфанд, рассматривая экономику как науку гуманитарную, так охарактеризовал основание творческой методологии лауреата: «В чем я усматриваю гениальность Леонида Витальевича [Канторовича. – Ю.В.]? В очень простой вещи – он совмещает в себе гуманитарную и математическую культуры... Однако не эти две отдельные половины [его] творчества являются основанием для моего утверждения. И Нобелевских лауреатов, и замечательных математиков много. Но что существенно и необходимость чего так остро осознается сейчас – это некое слияние культур... Лишь единицы в XX веке оказались способны на этот синтез математической и гуманитарной культуры... В области социальных наук, чисто гуманитарных, такой синтез осуществил Л.В. Канторович. Говоря „синтез“, я хочу сказать, что обе половины творчества Леонида Витальевича не есть две стороны его личности, две независимых друг от друга его профессии – будто он иногда математик, а иногда специалист по гуманитарным наукам. Речь идет о единой внутренней одухотворенности, которая одинаковым образом сказывается во всем его творчестве» [3, с. 158–159]. Слова о «единой внутренней одухотворенности» в полной мере приложимы и к творчеству Н.М. Карамзина, сложившемуся в свое время в русле историологической традиции.

В 1979 году вышла в свет капитальная монография В.Н. Лазарева «Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве», написанная им на 16 лет раньше. Работа Ю.М. Лотмана «К проблеме типологии культуры» опубликована в 1967 году [6], а его же книга «Сотворение Карамзина» – позднее, в 1987-м [10]. Совместное рассмотрение названных (и не только) работ в контексте движения времени позволяет убедиться в необходимости собирать в единое целое факторы, объединяющие логические построения, и отдельные хронологические события, создающие историческую реальность.

Вокруг взаимосвязи пространственно-временных отношений строятся (наводятся) мосты между культурой и цивилизацией, реализуя возможности междисциплинарных исследований «устройства движения во времени». В контексте этих исследований можно попытаться вернуть архитектуре, профессионально подготовленной к формированию пространственно-временных конструкций, ее закономерно срединное место в диалоге требований культуры и возможностей цивилизации в движении во времени понятия «история современности».

Формирование методологии истории Н.М. Карамзина в контексте городской культуры объединяло в себе художественное и исследовательское начало. Уникальность переходного момента от хронологического летописания к причинно-следственному построению целостного знания об историческом процессе породило качественно иное толкование понятия «новое» именно в его творчестве. Позднее, под влиянием Карамзина обостренное внимание к «Новому» передалось участникам дружеского объединения «Арзамас» и привело к реформированию литературного языка. Оно же предопределило сложение методологии «русской исторической школы», сосредоточенной на исследовании истории стран Западной Европы.

С именем Н.М. Карамзина можно связать и формирование пристального внимания к городу как месту в пространстве. В первую очередь это относится к Москве. Именно с ней он переживал ощущение современности...

В совокупности, авторское истолкование понятий «новое», «место», «протяженность времени» позволило ему выработать объемно-пространственную методику построения исторического знания.

Карамзин и по должности, и по призванию был историографом. В этом, видимо, проявилась сильная сторона его профессионализма как историка. Что я имею в виду? Он объединял в себе творческие усилия и летописца, и «ткача», формирующего ткань истории, неразрывно объединяя прошлое – настоящее – будущее.

Как это проявлялось в его творчестве?

– Повесть «Бедная Лиза» – произведение, с анализа которого начинаются практически все исследования творческого наследия Карамзина, была написана в 1792 году. Именно в этот год он

создал и редактировал «Московский журнал». (Нам еще предстоит прочитать «Бедную Лизу» глазами историков архитектуры Новейшего времени.)

- «Письма русского путешественника» написаны позднее по итогам и впечатлениям – дневникам путешествия в Европу. Работа над ними началась в том же 1792 году, и их начал публиковать в это же время «Московский журнал».
- В 1802–1803 годах Карамзин создает новый журнал и тоже ненадолго – «Вестник Европы».
- Работа над «Историей Государства Российского» началась также в 1803 году и длилась до 1826 года, т.е. до кончины исследователя...

Важно зафиксировать, что, на мой взгляд, Карамзину было комфортно ощущать себя историком, не отрываясь от понимания и ощущения динамики своей эпохи. Он благодаря исследовательским интересам расширял границы хронотопа исторического знания, не забывая о необходимости фиксировать все изменения в текущем времени и, как следствие, постоянно меняющейся, трансформирующейся картине «мироустройства». Иными словами, он умел и чутко осознавал, когда и как это сделать. Меняя угол зрения, он обретал новую «историческую картину». Под разными углами зрения она (эта картина) прочитывалась обновленной, что позволяло ему корректировать содержание хронотопа. Понятие «Новое» благодаря этому включалось им или вращалось в ткань исторического знания.

Итак, с творчеством Карамзина связаны:

- Преемственность и «внутренний диалог» с Вольтером и эпохой Просвещения.
- Взаимоотношения с молодыми (новым поколением) – дружеским объединением «Арзамас». Именно Карамзин воспринимается зачинателем реформирования русского языка. Он заложил импульс интереса к этому и у А.С. Пушкина.
- Именно он ввел в русский язык такие понятия, как «промышленность», «впечатление», «влияние», «сосредоточенность», «моральный», «эпоха», «эстетический», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность».

Это не весь перечень новых, Карамзиным созданных слов в запаснике русского языка. Все они по сей день в активном обороте.

В этом тексте стоит начать разговор о произведениях Карамзина, начиная с «Писем...». Они создали невиданный до того тип повествования – личностный, «автобиографический», совмещающий эмоциональное (чувственное) и рациональное. (Для литературоведов здесь начало разговора о сентиментализме в русской литературе и художественной культуре.)

Для нас важнее сосредоточиться на ином слое творческого наследия Карамзина, реализованном в «Письмах...»: том, где анализируется понятие «устройство».

Путешествие Карамзина заняло достаточно много времени. При этом он путешествовал как мало кто профессионально. Он посещал не только страны, города, театры и музеи, но и сумел пообщаться практически со всеми крупными «именами» Европы того времени. И. Кант, И.К. Лафатер, К.М. Виланд, И.Г. Гердер... Он съездил по адресам Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. Живыми он их естественно не застал – оба умерли в 1778 году. Но наибольшее впечатление оставил в его душе Руссо. Его он обильно цитирует. Как я понял, он посетил и те места, которые описаны Руссо в «Новой Элоизе».

Что Карамзина привлекло в наследии Руссо и почему ему он отдал предпочтение? Руссо оказался интересен в равной мере и интеллектуальной элите Европы, и простым крестьянам, которые также знали «Новую Элоизу». Интересовался он и первыми лицами, их ролью в Новейшей истории. В этом контексте он выделил Петра I. Его актуальность была спровоцирована для Карамзина спектаклем по драме Ж.-Н. Буйи «Петр Великий», который он увидел в Италии. Катализатором всех поступков Петра I в этой драме стало понятие «сердце». А значит, важнее не персонификация, а возможность создания чувственного пространства.

Что из этого надо почерпнуть, читая «Письма...» и анализируя их? Не зря литературоведы, занимающиеся этим материалом, называют «Письма...» энциклопедией современной автору европейской жизни. Он чувствует себя не приехавшим в Европу, а частью Европы, частью общего целого. «Письма...» – результат серьезной кабинетной работы, наложенной автором на непосредственность впечатлений, обретенных в путешествиях, вызвали большой интерес в Европе, достаточно долго державшийся. На немецком языке их издавали дважды (в 1800-м и 1804-м), на французском фрагментарно – в 1815-м,

полностью в 1866-м, на английском – в 1803-м, на польском в 1802-м, на голландском в 1804-м. Не удивительно, что «Историю Государства Российского» издали также на многих европейских языках. Не вызывает удивления и то, как устроены «Письма...». Их поэтика становится объектом внимательного углубленного, монографического по сути исследования для достаточно большого числа авторов.

Что дает архитектуроведению анализ «Писем...»? Важно это зафиксировать до того, как мы подойдем к чтению «Бедной Лизы».

Важно, в первую очередь, потому что, на наш взгляд, это действительно по жанру, скорее, «энциклопедия, нежели «путевой дневник», «письма издалека». Что здесь полезно для истории архитектуры современности?

- Пространственная природа повествования.
- Система «постоянно меняющихся точек зрения» в анализе.
- Построение сюжета: «достаиваемые сюжеты» до содержательного, а чаще художественно полноценного целого. Здесь основания того, что сегодня называют (принято называть) «интеллектуальной прозой».
- Топографическая точность культуры описания места. Это совершенно новый для своего времени принцип построения диалога с читателем, как бы из места событий.
- Из этого следует и драматургическое построение текста. Текст = театр. Это и приводит к максимальной визуализации именно строения, устройства текста, а не сюжета. Отсюда – столь заинтересованный разговор о поэтике.
- К этому уместно обратить внимание на то, что для Пушкина особую ценность имели «Ноты» у Карамзина. Что имеется ввиду? Примечания к «Истории...» – комментарии. Начало этому жанру надо искать в «Письмах...», в их энциклопедичности.

Комментарии, сохраняя целостность общего повествования и не разрушая общую идею текста, устраивали его множеством дополнительной информации. Строго говоря, именно это и делало текст пространственным.

Здесь особенно любопытно обратить внимание на то, что Карамзин выстраивал свою методологию исторического исследования на основе диалога, с одной стороны – строгой интерпретации факта,

с другой – построения (заметим, пространственно осмысленного) художественного целого в процессе повествования.

Конструкция, приближающаяся, по сути, к содержанию художественного «описания и анализа» при создании произведения: архитектуры, скульптуры, живописи.

Интересно обратить внимание и на то, что такая методология Карамзина встретила серьезное неприятие, критику со стороны современников. В первую очередь, в среде масонства. Дело дошло до того, что ему пришлось выйти из общества. Что не понравилось? Сочли, что он делает общедоступным сам процесс конструирования целого... Из сегодняшнего дня такая критика могла бы восприниматься как комплимент и подтверждение достоинства авторских усилий. Но в свое время (да и вряд ли для самого Карамзина) это могло бы стать утешением.

Смысл новообретений Карамзина сводится, обобщая, к тому, чтобы методология исторического знания была по возможности адекватна своему времени и умела видоизменяться в ритме движения времени вдоль «туннеля» (научного туннеля) современности.

Теперь у нас появился определенный фундамент для архитектуроведческого анализа повести Карамзина «Бедная Лиза». Литература об этом достаточно компактном произведении огромна. К этой повести обращались крупнейшие имена культурологии, философии, филологии, литературоведения и т.д. Не менее важно для нас и такое наблюдение: интерес к «Бедной Лизе», всплеск его происходил чаще всего в кризисные времена для диалога культуры и цивилизации, городской культуры и для архитектуры города.

Пришла пора и для нас внимательно прочитать это ставшее знаковым произведение Карамзина.

Повесть начинается (открывается) описанием вида города от подножия Симонова монастыря: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели... по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты. Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию

ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра* (выделено Н.М. Карамзиним. – Ю.В.): великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок... На другой стороне реки видна дубовая роща... Подалье, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим» [5, с. 605].

Первое, на что стоит обратить внимание: я ссылаюсь на текст по изданию 1964 года. Разумеется, в это время вряд ли кто-то связывал описание городской границы Москвы в конце XVIII века с проблематикой города – пригорода в новой Москве шестидесятых годов, практически два века спустя. Представляется важным посмотреть, как без малого два столетия сформировали заданное Карамзиним восприятие города, которое для Москвы понималось им как «культурная норма».

И еще одна существенно важная нить, связывающая планы начала XVII – XVIII века с характеристикой Москвы в XX веке. Автор «Сигизмундова плана», в частности, внимательно фиксирует особенности городской структуры и облика Москвы, но при этом он старается подчеркнуть те черты городской структуры города, которые характеризуют Москву как европейский город, поскольку ему удается выявить в московских реалиях и передать в чертеже «общеевропейские» черты.

Немалое методологическое значение при этом играет подача плана – «с птичьего полета». В такой редакции мы видим *проекцию в пространство планировочного решения города*. Он раскрывается нам благодаря такому приему в своей объемно-пространственной целостности, объемлющей в одном чертеже структуру городского «каркаса»: его уличную сеть, характер застройки, соотношение высот и другую конкретную информацию, несомненно обогащающую наше знание о городе на один из существенно важных временных

«срезом» его исторического развития. На наш взгляд, аксонометрически устроенная, с высокой точки обзора, подача ранних планов Москвы очень существенна для понимания автобиографии города вплоть до наших дней. Особенно в ситуации глобальных преобразований в структуре и размерах городской территории, к которым сегодня приступил город! «Петров чертеж» и последующие за ним планы отчетливо передают логику и закономерности формирования радиально-кольцевой городской структуры Москвы.

Ю.М. Лотман прочитал «Бедную Лизу» в еще одном, важном для понимания закономерностей в эволюции градостроительства, ключе. Его статья об этом произведении «Об одном читательском восприятии „Бедной Лизы“ Н.М. Карамзина...» [9] посвящена *структуре массового сознания*, закрепившегося благодаря переводу («подсознательному», по утверждению Лотмана) понятия «амфитеатр» в понятие «аудитория».

«Аудитория» – понятие зрительного восприятия и восприятия на слух. Следовательно, за городом закрепляется еще одна, очень важная для его жизнеустройства функция – город становится театром. При этом театром в буквальном смысле слова.

Театр как уличный балаган, зрелище. Театр и как интерьерное восприятие, будь то в стенах театрального здания или в городском пространстве. Пожалуй, здесь суммируются основные исследовательские проблемы взаимосвязи города – текста – театра. Уместно для начала зафиксировать решающе важное: и амфитеатр, и аудитория – понятия в равной мере двойного содержания. Это и зрители, и действие друг от друга неотрывные. При этом они неразрывно участвуют в диалоге (общении) автора (актера, поэта) и зрителей. Архитектора и горожанина. Они выступают в роли соучастников. Эту роль и обеспечивает им диалоговая пара взаимодействия, поэтому театр становится активным инструментом – как модели жизнестроения, так и организации пространства. Именно пространственная организация так интересует и увлекает нас сегодня, как на театре (сценография С.М. Бархина в спектакле «Кант», Театр им. В.В. Маяковского), так и вплоть до расширения понятия «граница», до границ государства, когда речь идет о пространственной организации страны в целом.

(Разумеется, что при этом актуализируются не только эксперименты Б. Фуллера с пространственными узлами, дающими синергети-

ческий эффект, но и значительно более широкий круг экспериментов и теоретических изысканий в этом направлении архитектурного формообразования и градостроительного искусства.)

Еще один слой погружения в чтение повести также увязан с подробным анализом Ю.М. Лотманом специфики читательского восприятия текста. Массовое сознание сосредоточено на внешнем впечатлении и описательности. Но удовлетворение оно получает от ощущения того, чем мотивировано изложение событий, и тем, каким представляется додуманное читателем событие, спровоцированное его воображением. Таким образом, он домысливает его до законченного в его восприятии целого. Читателю важно понять, почему Лиза утопилась именно в этом пруду. И что в нем особенного, если, как утверждает теперь молва, девушки со всего города приходят именно к этому пруду, чтобы реализовать свое последнее желание...

Лотман, перенося разговор с городского амфитеатра к трактовке его как аудитории, переводит дальнейшее направление размышлений о смысле текста повести с «горизонтали» (вширь) на «вертикаль» (вглубь смысла). В этом он видит одну из самых существенных сторон дарования Карамзина. Его роль просветителя, а по отношению к горожанину и популяризатора, способного расширить границы «культурной нормы», вовлекает в осмысление сути текста самые широкие круги, при этом допуская возможность прочтения ими не только текста, но и того, как он будет интерпретироваться в разное время читателями самых различных социальных срезов. Художественность произведения здесь играет решающую роль. Для города это столь же актуально. Именно в этом смысле понятия «город» и «текст» весьма активно и достаточно удачно зачастую совмещаются в неразрывности диалога... Переключение внимания читателя = исследователя на анализ произведения «по вертикали» приводит к существенному переконструированию того, как воспринимается текст или вид города (в нашем случае это равно одно другому).

На первый план выдвигается разговор не просто о повествовании, которое так или иначе пересказывается читателем, а поэтика произведения, т.е. то, как оно устроено.

Разговор о поэтике у Карамзина – отдельная, большая тема. Современное литературоведение уделяет этому серьезное внимание. Обсуждаемые в этих работах проблемы напрямую могли бы заинте-

ресовать современную градостроительную науку, в равной мере ориентированную как на историческую динамику представлений о градостроительстве, так и на решение проектных задач, нацеленных на «предсказание» судьбы и концепций города в будущем.

Только один пример. В.Н. Топоров также в свое время углубился в чтение весьма компактной по объему и достаточно банальной (по мнению В.В. Набокова) по сюжету повести. В 1995 году он опубликовал результаты своих размышлений в книге «„Бедная Лиза“ Карамзина. Опыт прочтения» [15]. Объем книги сложился в 512 страниц. В центре внимания автора этого исследования роль рассказчика (автора) в организации «жизнеустройства» в повести как соотношение «исторического» и «пейзажного» (по выражению В.Н. Торопова). Для наших интересов это вполне последовательно можно трактовать как взаимоотношение исторического и современного. Автор этого подлинно фундаментального исследования показывает, как в изложении Карамзина судьба «прекрасной» Лизы встраивается в перспективу общеевропейской историко-культурной-литературной перспективы.

В.Н. Торопов приводит в своей книге судьбу изданий «Бедной Лизы» и с какими текстологическими проблемами понимания текста сталкиваются исследователи и читатели последовательно из другого времени и другого культурологического диапазона.

По сути, эта повесть Карамзина играет роль «замкового камня» в «синтетической» теории эволюции творчества – с конца XVIII века и по сей день. Именно в том понимании, которое вложил в понятие «замковый камень» Л.Н. Толстой, объясняя целостность устройства романа «Анна Каренина»: «Я горжусь... архитектурой [романа] – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомствах) лиц, а на внутренней связи...» [12].

В этом тексте важно было связать в единое целое представления о современности и истории Новейшего времени и убедиться в том, что эти представления неотрывны от архитектуры (амфитеатра) как теоретической проблемы в современной методологии науки и зашифрованной как послание, заложенное в научно-художественной методологии истории Н.М. Карамзина.

Список литературы:

- 1 Виндельбанд В. От Канта до Ницше: история новой философии в связи с общей культурой и отдельными науками. Пер. с нем. А.И. Введенского (1913). М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 496 с.
- 2 Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозощения Сёрена Керкегора. М.: Искусство, 1970. 247 с.
- 3 Гельфанд И.М. Леонид Канторович и синтез двух культур // Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый: составители В.Л. Канторович, С.С. Кутателадзе. В 2 т. Т. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «ГЕО», 2002. С. 158–159.
- 4 Зиновьев А.А. Основы логической теории научных знаний. М.: Наука, 1967. 264 с.
- 5 Карамзин Н.М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М. – Л.: Художественная литература, 1964.
- 6 Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Ученые записки Тартусского Государственного Университета. 1967, Вып. 198. С. 30–38.
- 7 Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина. Полное собрание стихотворений. М. – Л.: Советский писатель, 1966. С. 5–52.
- 8 Лотман Ю.М. О структурализме: работы 1965–1970 годов // Под ред. И.А. Пильщикова. Таллин, Издательство ТЛУ, 2018. 485 с.
- 9 Лотман Ю.М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина. (К структуре массового сознания XVIII века). Сб. 6. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М. – Л.: Наука, 1966. С. 280–285.
- 10 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 338. 1987 с.
- 11 Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: Изд-во Московского Университета, 223. 1974 с.
- 12 Ранчин А.М. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: замысел, смысл эпиграфа и авторская позиция [Электронный ресурс] // Слово : [правосл. образоват. портал]. [Б. м.], 2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43318.php> (дата обращения 26.05.2019).
- 13 Системные исследования. Ежегодник. Коллектив авторов. М.: Наука, 216. 1976 с.
- 14 Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1978. 280 с.
- 15 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина: опыт прочтения. М.: РГГУ, 512. 1995 с.

References:

- 1 Windel'band V. *Ot Kanta do Nicshe: istoriya novoj filosofii v svyazi s obshej kul'turoj i ot del'nymi naukami* [From Kant to Nietzsche: The History of a New Philosophy in Connection with a General Culture and Separate Sciences]. Transl. from German by A.I. Vvedensky (1913). Moscow, KANON-press Publ., Kuchkovo pole Publ., 1998. 496 p. (In Russ.)
- 2 Gajdenko P.P. *Tragediya estetizma. Opyt harakteristiki mirosozeczaniya Syorena Kerkegora* [The tragedy of the aesthetics. The experience of Soren Kierkegaard's worldview]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 247 p. (In Russ.)
- 3 Gel'fand I.M. Leonid Kantorovich i sintez dvuh kul'tur [Leonid Kantorovich and the synthesis of two cultures]. *Leonid Vital'evich Kantorovich: chelovek i uchenyj* [Leonid Vitalievich Kantorovich: A Man and Scientist]. Eds. V.L. Kantorovich, S.S. Kutateladze. In 2 vol. Vol. 1. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, GEO Publ., 2002, pp. 158–159. (In Russ.)
- 4 Zinov'ev A.A. *Osnovy logicheskoy teorii nauchnyh znaniy* [Fundamentals of logical theory in scientific knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 264 p. (In Russ.)
- 5 Karamzin N.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow – Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1964. (In Russ.)
- 6 Lotman Yu.M. K probleme tipologii kul'tury [About the problem of the culture's typology]. *Uchenye zapiski Tartusskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific notes of Tartu State University]. 1967, no. 198, pp. 30–38. (In Russ.)
- 7 Lotman Yu.M. Poeziya Karamzina. Vstupitel'naya stat'ya [Karamzin's poetry. Opening article]. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stihotvorenyj* [A complete collection of poems]. Moscow – Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1966, pp. 5–52. (In Russ.)
- 8 Lotman Yu.M. *O strukturalizme: raboty 1965–1970 godov* [On structuralism: works of 1965–1970]. Editor I.A. Pialschikov]. Tallin, Tallin University Publ., 2018. 485 p. (In Russ.)
- 9 Lotman Yu.M. Ob odnom chitatel'skom vospriyatii "Bednoj Lizy" N.M. Karamzina. (K strukture massovogo soznaniya 18 veka). [About one reader's perception of "Poor Liza" by N.M. Karamzin. (On the structure of mass consciousness of the 18th century)]. *The role and importance of 18th century literature in the history of Russian culture*. Vol. 7. Moscow – Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 280–285. (In Russ.)
- 10 Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 338 p. (In Russ.)
- 11 Popov P.S., Styazhkin N.I. *Razvitie logicheskikh idej ot antichnosti do epohi Vozrozhdeniya* [Development of logical ideas from antiquity to Renaissance]. Moscow, Moscow University Publ., 1974. 223 p. (In Russ.)
- 12 Ranchin A.M. Novel "Anna Karenina" by L.N. Tolstoy: design, meaning of the epigraph and author's position [Electronic resource] // Word: [legal education. Portal]. [B.M.], 2010. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43318.php> (accessed 05/26/11). In (Russ.)
- 13 *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. Kollektiv avtorov* [System studies. Yearbook. Team of authors]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 216 p. (In Russ.)
- 14 *Tipologiya i periodizaciya kul'tury Vozrozhdeniya* [Typology and periodization of the Renaissance culture. A Monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 280 p. (In Russ.)
- 15 Toporov V.N. "Bednaya Liza" N.M. Karamzina: opyt prochteniya ["Poor Lisa" by N.M. Karamzin: reading experience]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 1995. 512 p. (In Russ.)